

Е. Рябкова

Рефлексии романа В.В. Набокова «Лолита» в романах А. Слаповского и Вл. Новикова

Два современных романа – «Анкета» А. Слаповского и «Сентиментальный дискурс. Роман с языком» Вл. Новикова – при всем их различии обнаруживают сходство в том, что в них осуществляется открытая рефлексия над романом В. Набокова «Лолита», особенно над его главным героем Гумбертом Гумбертом. Важным представляется тот факт, что А. Слаповский и Вл. Новиков являются профессиональными филологами, в связи с чем можно говорить о максимально осознанном и продуманном использовании авторами игровых приемов и стратегий. Статья состоит из двух частей, посвященных рассмотрению интертекстуальных связей каждого романа соответственно.

1. Гумберт или не Гумберт? («Анкета» А. Слаповского)

Главный герой романа «Анкета» Антон Петрович примерно в середине повествования открыто рефлексировать над романом «Лолита» и высказывает в целом свое неоднозначное отношение к Набокову-писателю. Кроме того, Антон Петрович зарабатывает на жизнь созданием кроссвордов, любимейшим занятием самого Набокова, что персонаж Слаповского также осознает и подчеркивает, а также обожает читать словарь Даля: «...И не в том дело, что я кроссвордист, меня восхищают бездны, открывающиеся в толковании слов...» (А 341)¹. Другие «совпадения» касаются героев романов: Антону 39 лет, Гумберту Гумберту примерно столько же². Сходными являются и обстоятельства жизни: оба не женаты (Гумберт Гумберт, правда, за некоторыми известными исключениями), деятельность обоих в целом окололитературная. Оба не устроены в жизни – ни собственного дома, ни семьи. Отсюда вытекает очень важный сюжетный параллелизм. Оба ищут. Роман «Лолита» начинается с того, что Гумберт Гумберт ищет пристанище, дом и находит там Лолиту-нимфетку, реализацию своих грез. Это ключевая встреча для развития сюжета. Чтобы быть ближе к нимфетке, Гумберт женится на ее матери. У А. Слаповского Антон Петрович по просьбе сестры ищет по объявлению, как она выразилась, «нормальную» женщину с собственным жильем. Во время одной из таких встреч Антон Петрович нахо-

дит в квартире потенциальной жены ее дочь, шестнадцатилетнюю девушку Нину, и влюбляется в нее. Однако он, в отличие от Гумберта, думает о невозможности встречаться с матерью из-за своего отношения к ее дочери. Кроме того, Антон Петрович живет в двухкомнатной квартире с племянницей 14 лет и в один прекрасный момент осознает свой необычный к ней интерес. И еще одно важное обстоятельство. У обоих героев (Гумберта и Антона Петровича) именно в возрасте 13 лет были детские влюбленности, повлиявшие на всю их жизнь и не забытые впоследствии. В предшественницах у Лолиты была Аннабелла: «Я уверен все же, что волшебным и роковым образом Лолита началась с Аннабеллы» (Л 13). Антон Петрович встретил свою единственную, как он думал, но безответную любовь Алексину в школе.

Однако сходства сопровождаются различиями. Дело в том, что Гумберт, для которого весь мир сконцентрировался в Аннабелле, а вслед за ней в девочках-нимфетках, находится в движении, в поиске своего идеала. С обретением Лолиты движение не останавливается, но приобретает иную глубину и новый смысл. Первоначально Гумберт Гумберт предпринимает несколько шагов для *приближения* к Лолите, и тут ему помогает сама судьба: дом, в котором он должен был поселиться в Америке, сгорел; Шарлотта погибла вскоре после свадьбы и т. д.³ Затем герой проделывает свой «райский круг» со сказочной нимфой как счастливый «охотник» со своей «добычей». Это «путешествие» (Гумберта-«странника») без определенной цели, смена отелей, мотелей, привалов. Затем появляется анонимный преследователь, и путешествие для Гумберта Гумберта превращается в «бегство». Тут «охотник» превращается в «жертву». После потери нимфетки начинается второй круг, «круг ада», поиск следов обидчика и Лолиты. То есть движение к Лолите, затем с Лолитой, потом за ней в конце концов снова приводит Гумберта к возлюбленной нимфе (не без помощи случая в виде письма от Долли), после чего герой ее отпускает. Гумберт раскаивается: «Ужас состоит не в том, что Лолиты нет рядом со мной, а в том, что голоса ее нет в этом хоре» (Л 372).

Иная ситуация в романе А. Слаповского «Анкета». Антон Петрович, встретив возлюбленную в возрасте 13 лет, впоследствии ее не терял. Но вся его жизнь так или иначе концентрировалась *вокруг* Алексины, в том числе сугубо пространственно. Это выражается в том, что герой каждую субботу ходит к ней домой, чтобы просто посидеть молча, и, что важно, боится даже уехать куда-то из Саратова надолго: «...У меня есть свое маленькое сумасшествие – почему-то мне кажется, что, если я уеду, с Алексиной случится что-то <...> боюсь уехать – и все тут» (А 288 – 289). Алексина была для него идеалом, но в конце концов он начинает осознавать, что любить в этой женщине уже почти нечего. Что касается собственно поиска работы, тут сама судьба шагнула ему навстречу – в лице соседа, капитана милиции Курихорова, который принес Антону для поступления в органы внутренних дел

анкету, состоящую из более 300 вопросов-утверждений «с подвывертом». Собственно, на протяжении всего романного действия герой отвечает на вопросы анкеты и параллельно ходит на свидания к женщинам по объявлениям, отобранным для него сестрой.

Так выходит, что анкета круто меняет жизнь героя. Будучи созданной для тестирования потенциальных работников милиции, она подразумевает, что кто-то, видимо комиссия, будет ее читать, оценивать, соотносить ответы с неким идеалом. Анкета, следовательно, выполняет в тексте роль провокатора – заставляет оценивать и переоценивать свою жизнь: взгляды, действия, мысли, слова. Например, цепочка размышлений по поводу утверждения «Вы стараетесь избегать конфликтов и затруднительных положений» (А 287) побудила Антона Петровича отправиться на поиски приключений на вокзал, чтобы проверить, сможет ли он «безбоязненно бросаться навстречу конфликту» (А 290). В герое начинается борьба с самим собой – с «отклонениями всякими», сама мысль о которых была вызвана тестом.

Внутренняя борьба реализована на страницах обоих романов, но сами герои у Слаповского и Набокова принципиально разные. Антон, несмотря на отмеченные психиатром еще в школьные годы акцентированность его личности и повышенное воображение, персонаж положительный, верит в «нравственный закон внутри человека» (А 303). Поэтому вызванные анкетой сомнения в себе оказываются так сильны. Тест расслаивает личность героя.

У В. Набокова Гумберт находится в области своего воображения, именно оно наделяет маленьких девочек «нимфетическими» чертами. Персонаж периодически строит свою мифологическую, иногда пародийную реальность, но иногда выпадает из нее⁴. В его мире обладание нимфеткой является высшим счастьем, райским блаженством. Гумберт Гумберт представлен в романе как изначально двойственная, трагически расщепленная личность, в которой борются противоположные сущности. Но есть у него в тексте и настоящий двойник – Клэр Куильти, реализация всего самого низменного и отвратительного в самом Гумберте. Убивая в конце романа Куильти-беса, гнусного Приапа, насладившегося «душенькой», не испытывая к ней никаких чувств, Гумберт уничтожает и собственную животную сущность. Преследование Гумбертом Куильти – это экспликация внутренней борьбы его собственной расщепленной, катастрофически двойственной личности с самой собой.

В романе А. Слаповского попытка Антона Петровича разобраться в себе, соотнести свою сущность с утверждениями анкеты приводит только к тому, что герой оказывается запертым в ее пространстве. Она постепенно замещает собой и любовь, и идеал, становится главным делом и наваждением Антона. «Раньше был терпеливым. Но теперь <...> я стал чувствовать в себе некое нетерпение, ощущение важного дела, которое манит меня своей незавершенностью – и я, лишенный доступа к этому делу, становлюсь раздражителем. АНКЕТА – вот это дело... Что-то неяс-

ное, смутное и мутное и вот сейчас всплыло оно, а анкеты нет под руками» (А 374). Именно под провоцирующим влиянием анкеты Антон подзревает себя в склонности к женщинам намного старше или моложе себя. Ему мерещится и обратная ситуация, что 15-летняя племянница сама как-то не так на него смотрит, ведет себя странно: «Может, не я в нее, а она в меня влюблена? Если существуют влечения, подобные тому, о котором так придуманно, но высокохудожественно и убедительно написал Набоков <...>, то почему не предположить о влечениях наоборотных. А? Лолита, которая пишет девический роман под названием «Гумберт»! А?» (А 452). Появляются у него также подозрения в склонности к воровству, страх сойти с ума, просто перейти грань дозволенного.

Окончательно запутавшись в себе, Антон Петрович вдруг осознает, что он – крестослов – «распят на перекрестьях слов – а теперь и событий. Слово – Крест. Но и Крест – Слово?» (А 476). Это ключевой эпизод романа. Антон Петрович оказывается запертым в создаваемом им самым тексте, включающем роман «Лолита» в качестве одного из источников. Разгадывая анкету, пытаясь выбрать «верный» ответ, Антон встраивается в широкий контекст культуры. В романе пересекаются не просто слова в кроссвордах главного действующего лица, но различные тексты. Следуя лингвистической логике авторов, можно сказать, что «крестослов» превращается в крестотекст, иными словами, интертекст.

Насыщенность произведений В. Набокова интертекстуальными приемами, культурными кодировками известна. Недаром двойник Гумберта Клэр Куильти получает в тексте номинацию «Культурный Ку»: он обладает потрясающей способностью к мимикрии, смене масок. Гумберт ошибочно принимает его за Густава Траппа, Клэренса Кларка, Айвора Куильти; он играет роли писателя-драматурга, рекламщика папирос, кота, Приапа, беса, охотника, привидения и т.п. Напрашивается вывод о том, что Ку – точка пересечения КУльтурных кодов, набор штампов, пародия на интертекстуальность.

Алексей Слаповский никак не маскирует художественный источник, который использует в своем тексте. Он открыто рефлексировал над романом предшественника. Антон Петрович отождествляется как с Гумбертом Гумбертом, так и с самим Набоковым. Это говорит о том, что Слаповский-автор рефлексировал не только над условной реальностью художественного текста, но и включает своего персонажа в пласт «реальности», частью которой является Набоков-писатель.

2. Между анти-Гумбертом и Гумбертом: роман Вл. Новикова «Сентиментальный дискурс. Роман с языком»

Герой романа Вл. Новикова, профессионального филолога, автора книг, – Андрей Владимирович. Он тоже ученый-филолог и пишет автобиографиче-

ский роман. Андрей Владимирович рассказывает историю своей жизни со студенческих времен до 50-летнего возраста через призму своих отношений с женщинами. Причем эти самые отношения он классифицирует и укладывает во вполне стройную семантическую парадигму-триаду.

Первую часть «парадигмы» заполняет первая любовь Андрея – Тильда, появившаяся в жизни героя в 22 года. Она была старше на 11 лет, и это дало ему повод долгое время относить себя к категории «анти-Гумберт»: «Молодежь, все эти нераспустившиеся бутончики, да и ровесницы мои меня не интересовали, тянуло спрятаться в мягкое-женское» (СД I, 34). Взаимоотношения с Тильдой были определены героем как «идеальный контраст» (СД I, 8): несходство возрастов, жизненного опыта, характеров, социального положения. Это была «жена-мать», ее комната – «материнское чрево» (СД I, 13), каждое утро с ней подобно «появлению на свет» (СД I, 10). Более того, она оказалась для него смысловой реализацией графического знака, называемого «тильдой» (~), при помощи которого в словарях сокращенно повторяется слово или основа слова. «Оказалось, что Тильда была моей основой, что без нее я – маленький и беспомощный суффикс, что вовсе я не ум||ный, а разве что «~ный»» (СД I, 34).

Второй элемент парадигмы – Аделина, Деля, врачаха немного моложе Андрея Владимировича – заняла место «жены-сестры». Он попал на вакантное место близнеца, а Деля, в свою очередь, оказалась «частью его тела» (СД I, 43).

Последний элемент триады («триадушки») – Настя – юная, пышущая здоровьем девушка. Она заставила героя отбросить «профессионально-педагогический фильтр» (СД II, 19), который еще со времен Тильды выводил из поля зрения молоденьких девушек. Произошел, по определению самого Андрея Владимировича, «поворот лицом к природе» (СД II, 19). Он отмечает: «...В моей борьбе с самим собой верх берет тот, кто сильнее» (СД II, 22). Иными словами, Гумберт побеждает анти-Гумберта. И появляется вкус к жизни, обостряется даже обоняние: «...И ноздри мои были прежде всего зарешечены от всех этих набоковских “знойных душиков”, старался не обонять то, что слишком молодо по моим понятиям» (СД II, 20). Настя – «жена-дочь», она всегда отдельное тело.

Были и другие женщины, но именно названные три составили биографию героя. Они вошли в его «сентиментальный дискурс», внесли свой элемент в его языковую систему как художника, писателя. Они вовлечены в отношения синонимии, антонимии. Они все явления одного порядка, но различаются по многим «признакам». Дифференцирующим признаком становится отношение к ним самого героя, которое, в свою очередь, определяется отчасти рефлексией над известным набоковским персонажем Гумбертом Гумбертом. Главный герой романа «Лолита» является фактом культуры. Он вымысел, но он же – жизненная правда. Поэтому происхо-

дящее с героем кажется ему самому «некоей цитатой, чем-то ложно-известным...» (СД II, 23). Текст Набокова замещает «текст» жизни Андрея Владимировича: «...Вот и сейчас литературные прецеденты только мешают проживать происходящее. Противно идти по улице, ощущая себя ходячей цитатой» (СД II, 23).

В одной из своих теорий профессор Андрей Владимирович рассуждает о том, что современный автор при написании произведения должен с каким-либо событием сочетать необычную идею, и тогда текст будет звучать по-новому. Так, известный факт отношений, подобных гумбертовским, обычно сопровождается оценкой «встретаться с женщинами намного моложе – нехорошо». Однако в «Сентиментальном дискурсе» отношения с женщинами-женами развиваются от обратного (от анти-Гумберта к Гумберту): именно любовь к Насте оказывается «поворотом к природе», к жизни во всей ее полноте – вплоть до новых обонятельных ощущений.

В «Сентиментальном дискурсе» дано особое прочтение известного сюжета, и на первый план выходит скорее позитивная трактовка набоковского персонажа, поскольку для автора значимым оказывается только то, что попадает под определение «речь о чувствах» (как можно было бы перевести название романа с профессионального русского языка).

Итак, романы А. Слаповского, В. Новикова, в целом не сводимые только к диалогу или полемике с романом В. Набокова «Лолита», обнаруживают с ним ряд весьма значительных и значимых переплетений. Они, кроме того, ясно показывают, что образ Гумберта Гумберта стал фактом культуры, приобрел характер типа или архетипа. Это доказывается обращением героев-повествователей к образу Гумберта. Набоков назвал свой роман «Лолита». А. Слаповский и Вл. Новиков написали романы о мужчинах, однозначно идентифицировать которых не могут даже они сами. Но точкой отсчета часто выступает именно Гумберт.

¹ В статье приняты следующие сокращения: А – роман А. Слаповского «Анкета», цит. по изд.: *Слаповский А.* Первое второе пришествие. Анкета. Я – не я. М.: Грантъ, 1999; Л – роман В. Набокова «Лолита», цит. по изд.: *Набоков В.* Лолита. М.: АСТ, 1997; СД I – роман Вл. Новикова «Сентиментальный дискурс. Роман с языком», цит. по: Звезда. 2000. №7. С. 6 – 59; СД II – там же. №8. С. 6 – 64.

² Возраст Гумберта Гумберта напрямую не называется, но его можно вычислить. Гумберту от 37 лет во время встречи с Лолитой до 42, когда он пишет свою исповедь.

³ Антон Петрович, кстати, тоже ярко выраженный фаталист. Вмешательством судьбы объясняет герой многие обстоятельства своей жизни.

⁴ О двоимирии у Набокова см.: *Липовецкий М.* Эпилог русского модернизма // В. Набоков. Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1997. С. 645; *Johnson D.B.* Worlds in Reflection. Some Novels of V. Nabokov. Ann Arbor, 1985. P. 155.